

Балакирева Маргарита Евгеньевна

Школа Филологии

НРИУ ВШЭ

Мир вещей Франсиса Понжа и философия орнамента

« ...осталось понять, может ли ценность искусства как такового целиком отделиться от его декоративной ценности, и не является ли всякое искусство, в той или иной степени, ornamenta » Юбер Дамиш

О. Шпенглер утверждал, что обращение к орнаменту в той или иной культуре не всегда является маркером ее дистанцированности от прочих культур. Скорее внутренняя потребность культуры обращаться к орнаменту и орнаментальности указывает на особый «дух времени», мироощущение эпохи, когда разные на первый взгляд исторические и культурные реалии сходятся в одной общей точке (так Шпенглер соотносил мироощущение арабского мира, отраженное в арабеске, с мироощущением ранних христиан или гностиков). Особенное положение орнамента – его пра-символичность и условность, универсальность и второстепенность – возводят его в ранг метаязыка, способного описывать первичные категории пространства и времени, а также визуализировать и структурировать их.

Вопросы орнаментальности, «вынужденного» украшения, становятся важными для философской мысли в XIX веке: именно в орнаменте философы (например, И. Кант) находят элементарный пример неутилитарного порождения человеческой мысли, функции которого ограничиваются чисто эстетической сферой. Отсюда – конфликт полезного и красивого, внутренней идеи объекта и его внешнего отражения, отсюда – смысловые напряжения между производением и украшением, между *ergon* и *paraergon* (Ж. Деррида). На первый взгляд споры об орнаменте (*стиль или преступление*) в конце XIX – начале XX века (Лоос А., Бургуан Ж., Расинэ А.) заострены на сугубо практических проблемах. Архитекторы и художники пускаются на поиски чистого объекта, чистой формы, оторванной от крикливого украшения, от вечно говорящего орнамента («забалтывающего» пространство). Однако данные поиски никогда не замыкаются в сфере художественного, но всякий раз выходят вовне, превращаясь в рассуждения об эпохе, времени, рациональности и маргинальности культуры. К концу XIX века орнамент мыслится уже либо как тавтология (дублирование внутренней и *нужной* красоты объекта красотой внешней и *лишней*), либо как универсальный художественный язык, завоевывающий и подчиняющий себе объект. Именно в контексте универсальности орнамента, его амбивалентности и отречения от рациональности, мне хотелось бы посмотреть на языковые игры в литературе XX века и конкретней – на поэтику вещи в творчестве Франсиса Понжа.

Творчество Ф. Понжа часто рассматривается исследователями как литературное отражение феноменологических и экзистенциалистских концепций. К тому же в основе поэтики французского мыслителя лежит принципиальный отказ от субъектного повествования (лирика «навыворот») и от избыточной образности, характерной для творчества сюрреалистов того же временного периода. Понж стремится рационально ограничить язык, придать ему строгую форму, но выйти при этом за рамки привычного нарратива: язык описывает предмет, словно украшает его внутреннюю суть (язык – как дополнение, *paraergon*), но отходит от

функциональности и утилитарности. Получающийся в результате опыта «остраненного» описания текст созидает новые смыслы и творит – в самом процессе «украшения» – новую вещь, осколок той, первой, послужившей моделью для начального акта письма и разрушенной в процессе творчества («убийство материала» в орнаменте, Бючи-Глюкманн К.). Через творчество Понжа я постараюсь показать, как акт познания трансформируется в литературе XX века, превращаясь в акт описания / украшения, тем самым отрицая собственную функциональность, и каким образом философия орнамента становится ведущей в расколоте сознания творца XX столетия.